

Ху Лэ приоткрыл рот от изумления. Такого поворота он явно не ожидал.

— Тысячу лет назад он был могущественным тёмным заклинателем, — неторопливо заговорил Цан Доушань, погружаясь в воспоминания. — Начинал обычным мастером боевых искусств, но благодаря воинским заслугам шаг за шагом выслужился до наставника императорской гвардии. А потом одну победу — важнейшую для его продвижения по службе — нагло присвоил юнец из влиятельного клана бессмертных. Обида захлестнула его. Не найдя справедливости, он отвернулся от праведного пути и ступил на тёмную тропу.

— Он истязал себя тренировками и упорно совершенствовался. Всего за пару лет совершил прорыв, достиг стадии Постижения Дао и первым же делом вырезал тот проклятый клан под корень.

Ху Лэ задрожал.

Цан Доушань опустил голову и ненадолго замолчал.

— Он ненавидел великие кланы и презирал продажных чиновников, — снова заговорил он. — Карал тех, на кого простой люд скрежетал зубами. В этом благородстве с ним не сравнится бы ни один праведный орден. Но какой толк от всех этих смертей и нажитых врагов? Взяточники плодятся без конца, а народ всё так же изнывает от горя.

— Но почему их меньше не становится? — тихо спросил Ху Лэ.

— А зачем, по-твоему, молодёжь из кожи вон лезет и годами гробит здоровье, готовясь к государственным экзаменам? — едко усмехнулся Цан Доушань. — Да чтобы дорваться до власти и набивать карманы! Зачем ещё идти на службу? Не воровать — значит не окупить десять лет изнурительной учёбы у холодного окна. Старик Сунь прожил на свете тысячу лет, а такой простой истины не уяснил. Глупец, каких поискать!

— Но ведь бывают и честные чиновники, — побледнев, попытался возразить Ху Лэ.

— И много их? — Цан Доушань откинулся на спинку стула. — Сколько среди них тех, кто сам вышел из низов и радеет за благо государства? Давай начистоту: взять хотя бы нашего главу округа Вэньцзинь. Человек толковый, в грязных делах не замечен. Думаешь, почему? Ему просто незачем марать руки копеечными взятками. Сам факт его пребывания на этой должности приносит его семье колоссальную выгоду.

Ху Лэ промолчал. Цан Доушань устало потёр виски, сообразив, что разговор ушёл куда-то не туда, и примирительно вздохнул:

— Ладно, не принимай близко к сердцу... Главное, что сейчас ты мыслишь здраво и держишь себя в руках. Просто будь осторожнее на людях и без крайней нужды силу не показывай.

Воцарилось молчание. Юноша медлил, не спеша уходить. Цан Доушань тем временем разложил на столе лист рисовой бумаги, прижал края хрустальным прессом и спросил:

— Что-то ещё?

— У меня... есть один вопрос, — нерешительно заговорил Ху Лэ.

— Спрашивай.

— Почему мой путь считают тёмным? В чём именно его порочность? — На лице юноши отразилось искреннее недоумение.

Цан Доушань вздохнул и терпеливо пересказал ему историю, которую в мире заклинателей знал каждый ребёнок.

Выслушав объяснение, Ху Лэ так и не перестал хмуриться. Больше вопросов он задавать не стал и, понурив голову, вышел из кабинета.

Ху Лэ шёл по коридору, и в его голове настойчиво крутилась одна мысль:

"А если бы в той войне победили те, кого называют тёмными заклинателями? Вдруг тогда их учение почитали бы за истину, а нынешних праведников объявили бы еретиками?"

Мысль казалась крамольной и безумной, но чем дольше он о ней размышлял, тем больше находил в ней логики.

Оставшись в кабинете, Цан Доушань подобрал широкие рукава и принялся растирать тушь на тушечнице, как вдруг сухой брусок с негромким щелчком переломился у него в пальцах.

Ровно посередине, на две части.

Дурное предзнаменование.

Нахмурившись, Цан Доушань сдул угольную пыль со скола, отложил одну половину в сторону, а второй принялся растирать воду дальше. Обычно качественная тушь расходилась мягко и быстро, но сегодня дело шло из рук вон плохо — сколько он ни старался, вода оставалась серой и водянистой.

В раздражении бросив кисть, он отказался от мысли заняться каллиграфией. Поднявшись, Цан Доушань направился на кухню — проверить, как там томится вишнёвое мясо.

Горшок с мясом томился на слабом огне. Блюдо требовало долгой выдержки — снять пробу удастся не раньше завтрашнего обеда. Чтобы скрасить ожидание, Вэйшэн соорудил в небольшом котелке сладкий вишнёвый отвар и с лукавой улыбкой пообещал, что получится объедение. От этого зрелища на душе у Цан Доушаня немного потеплело.

Густой отвар пугал своим ярко-алым, почти кровавым цветом, но пах потрясающе и оказался очень сладким. Под эту приятную беседу Цан Доушань не спеша приговорил тарелку золотистого пирога. Но когда на дне чашки показались остатки лакомства, его взгляд наткнулся на нечто ужасное. На самом дне, разварившись до полной неузнаваемости, покоился... огромный таракан!

Цан Доушаня тут же вывернуло наизнанку. Ничего не понимающий Вэйшэн перепугался до смерти, решив, что другу внезапно стало худо.

— Что с тобой? Заболел? Я сейчас же приведу лекаря!

Цан Доушань лишь бессильно указал пальцем на злополучную чашку и снова согнулся в рвотных позывах.

Вэйшэн заглянул внутрь, с диким воплем отшвырнул посудину прочь и застыл на месте как вкопанный.

Насилу отдышавшись, Цан Доушань поднял голову и, чувствуя, как внутри закипает злость, прикрикнул:

— И долго ты так столбом стоять будешь?!

— Та-таракан... — пролепетал побледневший Вэйшэн.

К горлу Цан Доушаня снова подкатила тошнота.

— Да знаю я! Он уже варёный!

Вэйшэн едва не плакал:

— Я понимаю... Но почему он такой огромный?!

Цан Доушань лишь обречённо прикрыл глаза. Сил злиться уже не оставалось.

Убрав осколки глины и отмыв пол, Цан Доушань окончательно лишился аппетита и отправился в спальню.

Чуть позже к нему под одеяло скользнул притихший Вэйшэн.

— Прости меня, — тихо прошептал он.

— Ладно уж, проехали, — Цан Доушань натянул одеяло повыше и покосился на него: — Сам-то помылся после этого?

— Конечно, — Вэйшэн устроился рядом. — Я потом проверил горшок с вишнёвым мясом, перелил всё в чистую посуду. Там чисто, честное слово. — Он осторожно коснулся ладонью его живота: — Живот не крутит? Может, съешь чего-нибудь лёгкого?

— Не хочу, — Цан Доушань отвернулся к стене.

— Моя вина, не углядел, — продолжал сокрушаться Вэйшэн. — Завтра же куплю яду и выведу всю эту ползающую нечисть под корень!

Цан Доушань не выдержал и тихонько хмыкнул.

— Ладно, спи уже, отравитель.

Однако утренние новости превзошли все худшие опасения Вэйшэна.

Горшок с вишнёвым мясом умудрился свалиться с печи и разлетелся вдребезги, залив весь пол липким соусом. А посреди этой жижи лежала заживо сварившаяся жирная крыса.

Вэйшэн помрачнел от злости, когда он собирал черепки.

— Столько времени томилось... Всё насмарку, — сокрушался он.

— Ладно тебе, у нас же ещё свежие ягоды остались, — попытался успокоить его Цан Доушань и открыл ящик со льдом, надеясь перекусить вишней. Но тут же застыл в недоумении.

Плетёная корзина была абсолютно пуста.

— Дело нечисто, — нахмурился Цан Доушань. — Слишком много совпадений для одних суток. Нам что, порчу навели?

Беда не пришла одна. Заглянув в мастерскую, они обнаружили полный разгром: мешки с сырьём были прогрызены, готовые благовония и притирания истоптаны и перепачканы грызунами. Повсюду сновали жирные тараканы. В ярости Вэйшэн приказал запереть двери лавки и объявить санитарный день — следовало выкурить и перебить всю заразу.

Цан Доушань, однако, сохранял хладнокровие. Он пошёл по следам вредителей и вскоре обнаружил причину нашествия. В самых неприметных щелях лавки были припрятаны пахучие кусочки нефрита, приманивающего насекомых. Одну из таких вонючих находок он выудил даже из-за вывески "Обитатели Бессмертного Чайника".

Вэйшэн с остервенением растоптал вредоносный камень каблуком, поминая недобрым словом всех родственников того подлеца, который это устроил.

Посреди этой кутерьмы в закрытую дверь лавки неистово заколотили.

— Отворяй! Стража!

Цан Доушань сразу почуял неладное. Жестом велел слугам поторапливаться с уборкой, он сам пошёл открывать.

На пороге действительно стояли двое служивых в алых кафтанах и при казенных саблях. Лица их так и лучились спесью.

— Налоговая проверка! Живее неси приходные книги.

Цан Доушань едва заметно нахмурился — визит казался слишком несвоевременным. Тем не менее, он вежливо отступил в сторону:

— Прошу войти.

Стражники вальяжно перешагнули порог и зычно пробасили:

— Что это вы посреди бела дня заперлись? Торговля же шла в гору!

— Небольшое недоразумение, — на ходу сочинил Цан Доушань. — У одного из подмастерьев случился приступ падучей, он перебил кучу товара и сырья. Вот, наводим порядок.

Один из визитёров презрительно хмыкнул. Эта ухмылка лишь укрепила подозрения хозяина лавки.

— Книги у меня в кабинете. Господа, следуйте за мной, — пригласил он.

В кабинете Цан Доушань выложил перед ними увесистую стопку свитков и тетрадей, а также предусмотрительно приготовил свежие чернила, кисти и счёты.

Чуть позже он принёс гостям горячий чай со сладостями и обновил благовония в курильнице.

Когда он засыпал свежую порцию дорогого порошка, ему было невыносимо жаль.

Стрельба из пушек по воробьям, не иначе.

— Проверьте не торопясь, а я пока наведуясь в мастерскую, — вежливо улыбнулся Цан Доушань.

Выйдя во внутренний дворик, он выждал несколько минут, а затем бесшумно вернулся к дверям кабинета и негромко напел мотив успокаивающей душу мелодии.

Закончив напев, он заглянул сквозь щель в бумажном окне. Оба стражника спали без задних ног, уронив головы на стол, а раскрытые тетради валялись на полу.

Он тихо вошёл, взял со стола кисть и легонько постучал её обратным концом по дереву:

— Кто вас прислал?

Спящие приоткрыли глаза, их взгляды были абсолютно остекленевшими.

— Наш хозяин... — вяло пробормотал один.

— И кто же ваш хозяин?

— Владелец Павильона Одной Звезды...

Полученное подтверждение заставило Цан Доушаня отложить кисть, бесшумно выскользнуть из комнаты и притворить за собой дверь. Нужно было обсудить всё с Вэйшэном.

Стремительный взлёт "Обители Бессмертного Чайника" во многом был заслугой госпожи Цинхэ. Хотя их товары отчасти соперничали, они скорее дополняли друг друга. Её Зал Красных Рукавов работал на массового покупателя, снабжая румянами и пудрой добрую половину округа Вэньцинъ, тогда как "Обитель" делала упор на редкие, изысканные вещицы для ценителей.

Новоявленный Павильон Одной Звезды не смел тягаться с могущественным Залом Красных Рукавов, а потому решил растоптать более скромного конкурента.

Едва узнав правду, Вэйшэн сжал кулаки и порывался проучить незваных гостей, но Цан Доушань его удержал:

— Кулаками делу не поможешь. О Павильоне Одной Звезды нам почти ничего не известно,

пороть горячку сейчас опасно.

— И что тогда делать? — Вэйшэн мерил комнату нетерпеливыми шагами.

Цан Доушань многозначительно перевернул ладонь:

— Платить.

Вэйшэн опешил:

— Сколько тебе нужно?

— Выясним у информаторов из Павильона Одинокого Фонаря. Сколько запросят за сведения, столько и отдадим.

Поняв задумку друга, Вэйшэн уверенно хлопнул себя по груди:

— Плачу за всё! Пусть называют любую цену.

Цан Доушань немедленно отправил запрос в Павильон Одинокого Фонаря, желая узнать имя истинного владельца конкурирующей лавки. К его удивлению, цена за услугу оказалась смехотворно малой — всего триста ланей серебра. Деньги следовало оставить в дупле старой гранатовой яблони на въезде в переулок Цветочной Чашечки.

Как только Цан Доушань подтвердил сделку, пришёл мгновенный ответ:

— Хуан Дэшэн.

Услышав имя, Цан Доушань лишился дара речи. Зато Вэйшэн разразился яростной бранью:

— Я так и знал, что этот старый лис выкинет что-то подобное!

Цан Доушань лишь тяжело вздохнул. Он прекрасно понимал мотивы купца.

Мир стоял на пороге великих потрясений, и пять лет соглашения казались Хуану слишком долгим сроком. Ему хотелось прибрать к рукам всю прибыль здесь и сейчас, основав собственное дело. А подняться надёжнее всего было на костях чужого успеха, разорив "Обитель Бессмертного Чайника".

Письменный договор для таких дельцов всегда оставался лишь клочком бесполезной бумаги.

<http://bllate.org/book/18329/1863640>